

УДК 93

**«НА МЕСТАХ У ЛЕКЦИОННОГО БЮРО
ДОЛЖНЫ БЫТЬ ТАК НАЗЫВАЕМЫЕ ЩУПАЛЬЦЫ»:
ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ ЛЕКЦИОННОГО БЮРО
ПРИ КОМИТЕТЕ ПО ДЕЛАМ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ**

В.П. Корзун, М.А. Мамонтова

*Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского,
г. Омск, 644077, Россия*

Аннотация

В статье речь идёт о складывании одного из элементов разветвлённой агитационно-пропагандистской сети 40-х годов XX в. – Лекционного бюро при Комитете по делам высшей школы при Совете народных комиссаров СССР. На основе анализа протоколов заседаний и стенографических отчётов данной организации делается вывод о заинтересованности власти в более активном привлечении к пропагандистской деятельности профессиональных исследователей, вузовских лекторов, о создании научной основы для популяризаторской работы. Продемонстрирована неоднозначная реакция на это предложение со стороны профессиональной корпорации: с одной стороны, желание внести свой вклад в победу в Великой Отечественной войне, реализовать лекторский талант и стремление к распространению научных знаний, с другой – некоторый скептицизм и сомнения в инструментализации данного предприятия. Обращение к истории отдельной пропагандистской институции позволяет прояснить механизмы действия пропагандистских кампаний консолидационного типа и выйти на проблему коллективной памяти.

Ключевые слова: пропагандистско-агитационная сеть, распространение знаний, лекционная деятельность, корпорация учёных, общественные организации

Лекционное бюро (переименованное в 1945 г. во Всесоюзное лекционное бюро) при Комитете по делам высшей школы было создано Постановлением Совета народных комиссаров СССР от 31 июля 1943 г. В его задачи входили организация «публичных платных лекций в г. Москве и по всей стране о международном положении, текущих военно-политических событиях, по историческим, военно-историческим и другим вопросам», а также публикация лучших лекций в газетах и журналах (ПСНК).

В научной литературе данную организацию рассматривали как начальный этап складывания Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний, которое в 1963 г. было переименовано во Всесоюзное общество «Знание» [1], а также как одно из звеньев обширной партийно-агитационной сети [2]. Часть работ научно-популярного характера вышла в связи с празднованием круглых дат с момента создания Всесоюзного общества [3–5]. Кроме

того, изучалась история его развития [6–9]. Следует отметить, что в специальных научных исследованиях [10–13] затрагивались лишь отдельные стороны деятельности общества «Знание», но при этом нигде не обращалось внимания на возникновение и работу Лекционного бюро.

В настоящей статье мы намерены рассмотреть начальный этап становления Лекционного бюро и отдаём себе отчёт в том, что это лишь первый шаг в реконструкции его истории. Обращение к истории отдельной пропагандистской институции даёт нам возможность прояснить механизмы действия пропагандистских кампаний консолидационного типа и, более того, неожиданно выводит на проблему коллективной памяти. В конечном итоге сухие, официально-бюрократические инициативы, будучи переосмыслены с позиций новой культурной интеллектуальной истории, становятся информативными в плане изучения взаимодействия коллективной памяти и исторической мысли той или иной эпохи. Кроме того, сама коллективная память включает в себя политический и культурный компоненты. Как отмечает А. Ассман, «политическая память имеет тенденцию к унификации и инструментализации, а вот культурная память в силу своих медиальных и материальных свойств противится подобному сужению. Содержимое культурной памяти невозможно подвергнуть радикальной унификации» [14, с. 58].

К началу Великой Отечественной войны на территории СССР сложилась разветвлённая пропагандистская сеть, состоящая из Телеграфного агентства Советского Союза (ТАСС), Советского информбюро, Радиокомитета, Управления пропаганды и агитации при ЦК ВКП(б), Политуправления Рабоче-крестьянской Красной армии, отделов пропаганды и лекционных бюро при партийных структурах центрального и местного уровня (областных, городских, районных комитетах), политотделов практически при всех гражданских структурах, курсов пропагандистов и пропагандистских групп. К вопросам пропаганды привлекались и Главное управление по делам литературы и издательств, и Всесоюзный комитет по делам высшей школы, и профсоюз работников искусства.

Активизация пропагандистской сети наблюдается в 1942–1943 гг.: в феврале 1942 г. по решению ЦК ВКП(б) были созданы пропагандистские группы, в задачи которых входила «помощь местным партийным организациям в их агитационно-пропагандистской работе» (чтение лекций, выступления с докладами, проведение семинаров, консультирование); с 17 июля 1943 г. их деятельность переориентировали на «инструктирование докладчиков, выделенных обкомами и райкомами»; с 25 августа этого же года пропагандистские группы были переброшены на освобождённые от немецкой оккупации районы (ПУ, с. 237–238). На тенденцию разрастания пропагандистской сети именно в военный период обратили внимание современные исследователи А.Я. Лившин и И.Б. Орлов, подготовившие сборник документов по советской пропаганде в годы Великой Отечественной войны. Они отмечают: «Архивные документы демонстрируют не только широкую вовлечённость различных государственных институтов в пропагандистскую работу, но и общую тенденцию к расширению пропагандистского аппарата различных уровней»¹ [15, с. 12].

¹ Агитационно-пропагандистским формам распространения информации особое внимание уделяли Н.Д. Козлов [16], Е.С. Сенявская [17], Д. Байрау [18], В.В. Тихонов [19], Т.Г. Шумкина [20].

Данный контекст помогает нам прояснить обстоятельства формирования новой пропагандистской институции. На наш взгляд, создание Лекционного бюро определено несколькими причинами. Во-первых, в это время власть была озабочена выходом советского солдата за рубежи СССР. Агитационная сеть в такой ситуации должна была носить функции своеобразного идеологического фильтра, сквозь призму которого увиденные события и явления должны были накладываться на глубоко сформированную и идеологически отточенную картину мира. Во-вторых, к 1943 г. очень остро всталась проблема неоднозначной оценки дипломатических шагов европейских стран, и государству необходим был действенный механизм молниеносного изменения оценочных суждений советского общества в отношении того или иного государства. В связи с этим значительно возросла роль международной тематики, и, естественно, особенно востребованными стали специалисты в области советского и международного права.

Организовать и возглавить деятельность нового агитационного органа было поручено Андрею Януарьевичу Вышинскому (1883–1954). Его роль в годы «большого террора» – политических процессов 1937–1938 гг. – общеизвестна. Именно в этот период Вышинский входит в состав сталинского политического истеблишмента. Его длительному закреплению в политической элите способствовали следующие профессионально-личностные факторы:

1) А.Я. Вышинский – правовед с хорошей академической подготовкой (в 1913 г. закончил юридический факультет Киевского университета), с научными разработками и великолепными навыками ораторского искусства (в 1920–1921 гг. – преподаватель Московского университета, декан экономического факультета Института народного хозяйства имени Г.В. Плеханова; в 1923–1925 гг. – прокурор уголовно-следственной коллегии Верховного суда СССР и одновременно профессор Первого Московского государственного университета по кафедре уголовного процесса; с 1925 по 1928 г. был ректором Первого Московского государственного университета);

2) в 40-х годах А.Я. Вышинский был вторым после В.М. Молотова лицом в Народном комиссариате иностранных дел СССР, быстро и «правильно» реагировал на изменение политической конъюнктуры и идеологического курса;

3) он отличался остротой высказываний, жёсткостью оценок, но в то же время хорошо обдуманным, неоднократно согласованным, осторожным подходом; обладал редким даром незаметно изменить первоначальную точку зрения на противоположную.

Итак, обратимся к имеющейся в нашем распоряжении стенограмме первых заседаний Лекционного бюро. Напомним, что Постановление о его создании было принято 31 июля 1943 г. (в субботу), а активные обсуждения отдельных деталей новой организации начались со 2 августа, о чём свидетельствуют, например, слова Вышинского на заседании 4 августа: «Мы – члены Лекционного бюро два дня тому назад собирались и обсудили план...» (ГАРФ, л. 5). Первое заседание бюро состоялось 3 августа, на нём присутствовали представители партийной номенклатуры: А.Я. Вышинский, Г.Ф. Александров², С.В. Кафтанов³, Н.Г. Бруевич⁴, М.Р. Галактионов⁵, А.А. Пузин⁶.

² Александров Георгий Фёдорович (1908–1961) – советский партийный и государственный деятель, доктор философских наук (1939), профессор (1939), академик АН СССР (1946). Примерно с 40-х годов начинается его

Анализ текста первого протокола Лекционного бюро позволяет предположить изначальную предопределенность проводимого мероприятия: здесь не ставился вопрос о руководителе и секретаре бюро (их кандидатуры в лице А.Я. Вышинского и А.А. Пузина не вызывали сомнений), не обсуждалась повестка дня, а отсутствие стенограммы первого заседания свидетельствует о его спешности и неподготовленности. Собрание представителей партийной номенклатуры имело по преимуществу информационный характер, хотя в повестке дня первого заседания значились и такие вопросы, как тематика публичных лекций на ближайший период, структура и штаты аппарата Лекционного бюро (ГАРФ, л. 1). При этом последние были уже заранее определены и на собрании лишь озвучены, а составлением сметы расходов на содержание аппарата и её утверждением было поручено заняться уполномоченному Госкомитета по науке С.В. Кафтанову. Большее оживление вызвало обсуждение тематики лекций, среди которых преобладали военно-исторические и патриотические: «Два фронта в истории войн», «Суворов», «Русская дипломатия и образование Германской империи», «Кутузов», «Брусиловский прорыв», «Пётр I», «Иван Грозный» и др. Однако узкий круг участников не позволил утвердить план лекций на ближайшие месяцы, поэтому обсудить данный проект было решено на совещании лекторов, назначенному на следующий день – 4 августа.

стремительный карьерный рост. В 1939–1946 гг. он был директором Высшей партийной школы при ЦК ВКП(б). С 1939 г. – заместителем заведующего Отделом пропаганды и агитации ЦК ВКП(б), заместителем начальника Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б), заведующим Отделом партийной пропаганды Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) (по 1947 г.). С 1946 по 1952 г. – член Оргбюро ЦК ВКП(б). В 1947 г. назначен директором Института философии АН СССР (по 1954 г.). С 1954 по 1955 г. занимал должность министра культуры СССР.

³ Кафтанов Сергей Васильевич (1905–1978) – советский государственный деятель, министр высшего образования СССР (1946–1951), председатель Государственного комитета по радиовещанию и телевидению при Совете министров СССР (1957–1963). Взлёт его карьеры приходится на конец 30-х – начало 40-х годов. С 1937 г. он назначается старшим инструктором ЦК ВКП(б), а также председателем Всесоюзного комитета по делам высшей школы при Совете народных комиссаров СССР. В 1941–1945 гг. является уполномоченным Государственного комитета обороны по науке. С 1946 г. – министром высшего образования СССР. С 1951 г. – первым заместителем министра культуры СССР.

⁴ Бруевич Николай Григорьевич (1896–1987) – советский учёный, генерал-лейтенант инженерно-технической службы. В 1939 г. избран членом-корреспондентом Академии наук СССР по специальности «Механика». С 1940 по 1941 г. работал директором Московского механико-машиностроительного института. В 1941 г. назначен первым заместителем председателя Комитета по делам высшей школы. В 1942 г. избран академиком по специальности «Механика, теория механизмов и машин». С 1942 по 1949 г. занимал должность академика-секретаря Академии наук СССР. На протяжении 1948–1950 гг. был директором Института точной механики и вычислительной техники.

⁵ Галактионов Михаил Романович (1897–1948) – генерал-майор Советской Армии, участник Первой мировой и Гражданской войны, военный историк и журналист. Окончил Киевский университет. С начала Великой Отечественной войны был заведующим Отделом запасных частей и вузов газеты «Красная звезда», а также работал в Отделе пропаганды ЦК ВКП(б). После окончания войны заведовал военным отделом газеты «Правда». В 1946 г. командирован в США совместно с К.М. Симоновым и И.Г. Эренбургом. Покончил с собой, застрелившись 5 апреля 1948 г.

⁶ Пузин Алексей Александрович (1904–1987) – советский партийный и государственный деятель. С 1939 по 1940 г. – заведующий Отделом агитации Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б). В 1940–1942 гг. заведовал Отделом печати Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) и одновременно был заместителем начальника Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б). С 1943 по 1944 г. занимал должность секретаря Лекционного бюро при Комитете по делам высшей школы. В 1944–1949 гг. – председатель Всесоюзного комитета по радиофикации и радиовещанию при Совете народных комиссаров / Совете министров СССР. С 1949 по 1957 г. – начальник Главного управления по радиоинформации при Совете министров СССР / Министерстве культуры СССР. С 1957 по 1965 г. – председатель Совета по делам религиозных культов при Совете министров СССР.

Условия военного времени и инициатива, исходящая непосредственно от И.В. Сталина (на которую не раз ссылался в своих выступлениях и репликах А.Я. Вышинский (см. ГАРФ, л. 5, 7 об., 8)), позволили собрать достаточно представительный лекторский состав: Б.Е. Штейн⁷, А.Н. Трайнин⁸, Б.Д. Греков⁹, В.И. Пичета¹⁰, С.Г. Струмилин¹¹, Н.Г. Пальгунов¹², П.Ф. Юдин¹³, С.Л. Рубинштейн¹⁴, А.А. Вознесенский¹⁵ и др. В этот день состоялось второе расширенное

⁷ Штейн Борис Ефимович (1892–1961) – советский дипломат, историк-международник, доктор исторических наук, профессор, член ВКП(б) с 1926 г. На дипломатической службе находился с 1920 г. В 1939–1945 гг. занимался научно-педагогической работой в Высшей дипломатической школе при Народном комиссариате иностранных дел СССР (1939–1941) и в Ташкентском университете (1941–1945). На протяжении 1945–1952 гг. состоял на ответственной должности в центральном аппарате НКИД (с 1946 г. – МИД) СССР. С 1945 г. – советник НКИД в ранге посла. В 1952 г. был арестован в связи с развернувшейся антисемитской кампанией. Спустя год освобождён. После освобождения вернулся к преподавательской деятельности в Высшей дипломатической школе.

⁸ Трайнин Арон Наумович (1883–1957) – российский и советский юрист, член-корреспондент Академии наук СССР (1946). Закончил юридический факультет Московского университета в 1908 г., был оставлен при университете на кафедре уголовного права для подготовки к профессорскому званию (1909–1912), но в 1911 г. подал в отставку в связи с «делом Кассо». С 1925 по 1938 г. работал во Всесоюзном научно-исследовательском институте юридических наук, преподавал в Московском государственном университете. В 1938 г. был утверждён в учёной степени доктора юридических наук (без защиты диссертации) и начал работать в Институте права АН СССР (1938–1954). После восстановления юридического факультета в составе МГУ в 1942 г. стал заведующим кафедрой уголовного права и занимал эту должность вплоть до 1954 г.

⁹ Греков Борис Дмитриевич (1882–1953) – советский историк и общественный деятель, основатель кафедры русской истории историко-филологического факультета Пермского университета (заведовал ею в 1916–1918 гг.), член-корреспондент АН СССР (1934), академик (1935), член Болгарской и Польской Академии наук (1947), почётный член Академии наук Белорусской ССР. Доктор философии Пражского университета. Директор Института истории в Ленинграде (1936) и Москве (1938). С 1943 по 1947 г. занимал пост директора Института истории материальной культуры, а с 1947 по 1953 г. – Института славяноведения. В 1946–1953 гг. – академик-секретарь Отделения истории и философии АН СССР.

¹⁰ Пичета Владимир Иванович (1878–1947) – советский историк, первый ректор Белорусского государственного университета (1921–1929), академик АН Белорусской ССР (1928), заслуженный профессор Белорусской ССР (1926), член-корреспондент АН СССР (1939), академик АН СССР (1946). Окончил историко-филологический факультет Московского университета, преподавал в средних учебных заведениях Москвы. В 1930 г. был арестован по «академическому делу», выслан в Вятку. С 1937 г. работал старшим научным сотрудником в Институте истории АН СССР, с 1938 г. – профессором Московского педагогического института им. В.И. Ленина и МГУ. В 1939 г. по его инициативе организованы сектор славяноведения Института истории АН СССР и кафедра истории южных и западных славян МГУ.

¹¹ Струмилин Станислав Густавович (1877–1974) – советский экономист и статистик, академик АН СССР (1931). Окончил коммерческое отделение Петербургского политехнического института (1914). Преподавал в МГУ, Институте народного хозяйства имени Г.В. Плеханова, Академии общественных наук при ЦК КПСС. В 1931–1957 гг. – член Совета по изучению производительных сил. В 1942–1946 гг. – заместитель председателя Совета филиалов и баз АН СССР. С 1947 по 1952 г. – заведующий сектором истории народного хозяйства Института экономики АН СССР.

¹² Пальгунов Николай Григорьевич (1898–1971) – советский государственный деятель, журналист, дипломат. В 1920 г. поступил на агрономический факультет Ярославского университета, в 1923 г. перевёлся на педагогический факультет, который окончил в 1925 г. Прошёл курсы журналистов-международников, работал в Иране (1929–1932), Финляндии (1932–1935) и Франции (1935–1940). В 1940–1944 гг. – заведующий отделом печати Народного комиссариата иностранных дел СССР. С 1943 по 1960 г. занимал пост генерального директора ТАСС. В 1956–1959 гг. – председатель Оргбюро ЦК ВКП(б).

¹³ Юдин Павел Фёдорович (1899–1968) – советский философ, дипломат и общественный деятель. Окончил философский факультет Ленинградского Коммунистического университета имени И.В. Сталина (1924) и философский факультет Института красной профессуры (1931). В 1932–1938 гг. – директор Института красной профессуры. В 1933–1937 гг. – главный редактор журнала «Литературный критик». С 1934 по 1937 г. работал заместителем заведующего Отделом пропаганды и агитации, а с 1935 по 1937 г. – заместителем заведующего Отделом печати ЦК ВКП(б). В 1937–1947 гг. состоял в должности директора Объединения государственных книжно-журнальных издательств. В 1939–1944 гг. – директор Института философии АН СССР.

¹⁴ Рубинштейн Сергей Леонидович (1889–1960) – советский психолог и философ, член-корреспондент Академии наук СССР (1943). Окончил факультет философии Марбургского университета в 1914 г., защитил докторскую диссертацию на тему «К проблеме метода». С 1919 г. – приват-доцент кафедры философии, с 1921 г. – профессор кафедры психологии Новороссийского университета. В 1930 г. возглавил вспомогательную кафедру психологии отделения педагогии Ленинградского государственного педагогического института

заседание Лекционного бюро. Исходя из текста протокола и стенограммы заседания можно заключить, что разгорелись жаркие споры как по поводу тематики лекций, так и в целом относительно функций только что созданного органа – Лекционного бюро.

Заседание началось небольшой вступительной речью А.Я. Вышинского, в которой он зачитал текст Постановления Совета народных комиссаров СССР от 31 июля 1943 г. и обозначил задачи деятельности общества на ближайшие 2–3 месяца. Со стороны лекторов сразу же последовала раздражительная реакция на создание ещё одной пропагандистской структуры: «До сего времени существует много организаций специально по организации платных лекций: при Моссовете, при Наркомпросе, при Академии наук, при Союзе писателей, при университетах и проч.» (ГАРФ, л. 5). Эта наивная реплика неизвестного автора давала понять, что лекторский состав был уже значительно обременён различного рода публичными выступлениями и так называемыми лекциями, поэтому собравшиеся пытались определить степень важности планируемых мероприятий.

А.Я. Вышинский в ответ на данное высказывание сразу обозначил особый статус новой организации, её ведущее место в иерархии различных лекционных институций, которые «сами сойдут постепенно на нет» по мере того, как Лекционное бюро «завоюет авторитет» (ГАРФ, л. 5). В риторике выступления Вышинского заметно прочитываются стратегические планы по развитию пропагандистской сети: при формальной поддержке различных пропагандистских структур («деятельность таких организаций новое Лекционное бюро может приветствовать» (ГАРФ, л. 5)) планировалось поставить всю лекционную работу под строгий контроль создаваемого бюро, юридически не оформляя их исчезновение («закона о ликвидации никакого не будет» (ГАРФ, л. 5)). Таким образом, перед лекторами изначально были поставлены достаточно сложные задачи: завоевать доверие широкой аудитории и вытеснить из сферы лекционной пропаганды иные параллельные структуры¹⁶. Это своего рода образец построения пропагандистской институции консолидационного типа. Нужно отметить, что данная модель нашла поддержку у присутствующих: на протяже-

имени А.И. Герцена. В разные годы преподавал в Ленинградском институте истории, философии и лингвистики, Ленинградском государственном университете. В 1937 г. утверждён Высшей аттестационной комиссией в учёной степени доктора педагогических наук (без защиты диссертации) и в учёном звании профессора. В 1942 г. за работу «Основы общей психологии» (1940) был удостоен Сталинской премии второй степени в категории «Философские науки». Директор Института психологии (1942–1945), профессор кафедры психологии Московского государственного университета (с 1942 г.). Организатор и руководитель сектора психологии в Институте философии АН СССР (с 1945 г.). В 1949 г. в ходе кампании по борьбе с космополитизмом освобождён от руководящих должностей заведующего кафедрой психологии МГУ и заведующего сектором психологии Института философии АН СССР, но при этом был оставлен в штате обеих организаций. Лишь в 1956 г. он вновь возглавил воссозданный сектор психологии в Институте философии.

¹⁵ Вознесенский Александр Алексеевич (1898–1950) – советский экономист, деятель науки и культуры. В 1917 г. поступил в Петроградский историко-филологический институт, а в 1921 г. перешёл на факультет общественных наук Петроградского университета, который окончил в 1923 г. С 1940 г. – декан политико-экономического факультета, с 1941 по 1947 г. – ректор Ленинградского государственного университета. В 1947 г. был избран депутатом Верховного совета СССР, спустя год назначен министром просвещения РСФСР (1948–1949). В 1949 г. арестован по обвинению в измене Родине, участии в контрреволюционной организации и антисоветской агитации («Ленинградское дело»). Осужден и расстрелян в 1950 г. Реабилитирован в 1954 г.

¹⁶ На наш взгляд, государству было важно сконцентрировать лекционную деятельность в рамках одной организации-монополиста, что позволило бы оперативно менять содержание и тональность публичных выступлений пропагандистов. Разросшаяся же пропагандистская сеть с трудом поддавалась тотальному контролю на предмет идеологического соответствия конъюнктурным решениями партии.

нии всего заседания не раз высказывались предложения юридически оформить монополию Лекционного бюро в области лекторской пропаганды. Например, Вознесенский внёс предложение подчинить лекторий Ленинградского университета Лекционному бюро, голоса с мест предлагали подчинить ему «так называемые периферийные организации» и т. д. (ГАРФ, л. 5–6 об.).

После того как была выяснена стратегическая задача общества, собравшиеся приступили к обсуждению тематики лекций. Каждый из них предлагал ту тему, которая была близка сфере его научных интересов. Например, Б.Д. Греков советовал включить актуальный в сложившихся условиях борьбы с фашистской идеологией материал по истории славян и вопросам образования русского государства, Е.С. Варга¹⁷ – по «новому порядку в Европе» (ГАРФ, л. 3), В.И. Пичета – по истории Белоруссии и Украины, С.Л. Рубинштейн – по воспитанию национальной гордости, по гражданскому, военному долгу, А.А. Вознесенский – по истории русской науки и о её выдающихся представителях. В целом эта часть заседания прошла с большим воодушевлением и вовлечённостью присутствующих в обсуждение лекционной тематики. Интерес к исторической проблематике, вопросам патриотизма свидетельствует об определённом совпадении в способах, образцах, направленности моделирования исторической памяти между учёными и властью. Можно говорить об инструментализации научной и культурной памяти в политических целях.

Лекторов, естественно, волновал вопрос об аудитории: кому они будут читать лекции? Жаркие дискуссии по этому поводу, судя по тексту стенограммы, заняли всю оставшуюся часть заседания. Первым эту тему затронул С.Г. Струмилин: «Я не совсем ясно представляю, какого рода будет публика: научная или здесь подразумевается ставить просто публицистические доклады» (ГАРФ, л. 5 об.). Б.Н. Юрьев¹⁸ сначала высказал мнение, что такие лекции должны читаться «основными специалистами», однако сразу же, видимо, под давлением коллег (текст стенограммы изобилует многоточиями и отрывистыми, несвязанными фразами) признал, что в этом случае лекции превратятся в «те научные конференции, которые уже проводятся» (ГАРФ, л. 6 об.), и станут весьма сложными для понимания неквалифицированной аудиторией.

Затем в дискуссию включился Вышинский¹⁹: «Товарищ Сталин сказал, что важным вопросом является состав аудитории. Может быть товарищи высказали бы мнение в отношении аудитории, какой она должна быть. Желательно было бы прежде чем предлагать, выслушать мнение опытных лекторов» (ГАРФ, л. 6 об.). Фраза Вышинского амбивалентна: с одной стороны, руководство партии готово

¹⁷ Варга Евгений Самуилович (1879–1964) – советский экономист, учёный в области политической экономии капитализма и мировой экономики, действительный член Академии наук СССР (1939), академик Академии наук Украинской ССР (1939), лауреат Ленинской премии (1963).

¹⁸ Полагаем, что речь идёт о Борисе Николаевиче Юрьеве (1889–1957) – учёном-авиаторе, действительном члене АН СССР (1943), генерал-лейтенанте инженерно-технической службы (1944). В 1944–1950 гг. был председателем комиссии по истории техники АН СССР. С 1950 г. работал в Институте механики АН СССР. По воспоминаниям учеников, он был великолепным лектором, способным привить глубокий интерес к авиации. В 1943 и 1946 гг. был удостоен Сталинской премии (за сконструированный совместно с И.П. Братухиным двухроторный геликоптер «Омега» и опубликованное коллективом авторов руководство для конструкторов). Им же инициирована разработка стандартов обозначений по аэродинамике.

¹⁹ Следует отметить, что он занимал наблюдательную позицию, лишь изредка вмешиваясь в ход беседы и направляя её в то русло, которое было необходимо руководству партии.

прислушаться к профессиональным лекторам по вопросу о составе аудитории, с другой стороны, оно твёрдо знает, что предлагать.

В ходе обсуждения С.Г. Струмилин выделил три типа лекций в зависимости от слушателей: лекции для рабочих, для интеллигенции («для научной постановки лекции») и «что-то такое среднее в виде лекций политехникумов и т. д.» (ГАРФ, л. 6 об.). П.Ф. Юдин исключил прямой контакт лекторов с широкой аудиторией («У нас не хватит ни лекторских сил, ни возможностей» (ГАРФ, л. 6 об.)) и предложил Лекционному бюро «рассчитывать свои лекции на советскую интеллигенцию», готовить специалистов, способных понять «сложные исторические, международные, текущие, политические, научные и др. вопросы» и понести их в широкие народные массы (ГАРФ, л. 7). Мнение Юдина поддержал неизвестный участник собрания, настаивая на том, что «лекции должны быть рассчитаны на актив: актив научных работников, партийных работников, студентов, командиров» (ГАРФ, л. 7). К обозначенной позиции присоединился А.А. Вознесенский, предложив включить в этот актив «деревню, село» (ГАРФ, л. 7).

А.Я. Вышинский, представляя интересы власти, заявил, что ориентироваться следует на «среднего советского активиста... на широкую советскую общественность» (ГАРФ, л. 7 об.), это во многом усложняло задачу для лекторов. В его представлении лектор должен быть готов выступить как перед научными работниками и учителями, так и перед учащимися и передовыми работниками: «Никакого подбора аудитории не должно быть» (ГАРФ, л. 5 об.). Учёные понимали, что создать такую универсальную лекцию для любого слушателя – утопическая идея, поэтому и пытались добиться от Вышинского конкретизации.

В представленных позициях отразились различные подходы: 1) партийно-пропагандистский с последовательной цепочкой передачи знаний от более «проповедной» публики к её низовым звеньям; 2) научно-коммуникационный, направленный на знакомство научного сообщества с новым знанием; 3) традиционно-популяризаторский, по существу близкий ко второму, но ориентированный на более широкую публику. Партийно-государственный аппарат стремился использовать просветительский экспанссионизм науки, коммуникативной по своей сути, в результате чего произошло некоторое сближение учёных и функционеров.

Запросы власти и сложившийся канон советского учёного-пропагандиста совпали в понимании контролирующей функции Лекционного бюро. Так, по мнению учёных, лекторский состав и его аудитория должны были представлять «так называемые щупальцы» на местах у Лекционного бюро (ГАРФ, л. 7). Например, на заседании А.Я. Вышинским был поднят вопрос о необходимости строгого контроля над содержанием и внешней стороной лекций. В связи с этим предлагалось создать целый штат рецензентов, редакторов, которые будут выверять идеологическую корректность читаемого материала. Степень же доступности лекций для аудитории не подлежала строгому рецензированию. Однако Вышинский и здесь сформулировал свои требования: «Лекции должны быть организованы на высоком научном уровне, должны быть популярными, однако не за счёт научности» (ГАРФ, л. 8). Эта запутанная, но в то же время яркая фраза свидетельствует о том, что власть ожидала от лекторского состава особых усилий в популяризации и научных знаний, и идеологического курса.

Привлекая учёных, преподавателей и представителей высшей школы, руководство страны, вероятнее всего, намеревалось подвести под лекционный материал мощную научную основу, что смогло бы сделать агитации более убедительными и обоснованными. Чтобы заинтересовать профессиональный лекторский актив, власть использовала и материальный стимул: «Товарищем Сталиным высказана такая мысль, что половина сбора лекций должна поступать в пользу лектора» (ГАРФ, л. 8). Зачастую именно эта причина заставляла большинство лекторов оттачивать свой ораторский талант в самой разнообразной аудитории в период деятельности Лекционного бюро, а позже – Всесоюзного общества «Знание».

Итак, создание Лекционного бюро, инициированное сверху, судя по атмосфере первых заседаний, не нашло однозначной поддержки среди лекторского актива. Более того, оно вызвало целую череду дискуссий о целесообразности и продуктивности данного органа. Однако жёсткая позиция руководства страны не предполагала серьёзного обсуждения данной темы, власть ставила перед профессиональной средой новые задачи – обслуживание и популяризация формируемого идеологического курса. В ходе заседаний наиболее ярко проявились противоречивые чувства профессионального сообщества: с одной стороны, желание внести свой вклад в победу, быть полезным своей стране в сложный для неё период, полностью посвятить себя любимой работе, поделиться своими мыслями с широкой аудиторией; с другой – некоторый скептицизм и сомнения в инструментализации данного предприятия.

Благодарности. Работа выполнена при поддержке Министерства образования и науки РФ (проект № 2467).

Источники

ПСНК – Постановление Совета народных комиссаров Союза ССР от 31 июля 1943 г. № 845 «О Лекционном бюро при Комитете по делам высшей школы при Совнаркоме СССР» // Постановления Совета народных комиссаров Союза ССР за июль 1943 г. – М., 1943. – С. 160.

ПУ – Письмо из Управления пропаганды в Секретариат ЦК ВКП(б) от марта 1944 г. // Советская пропаганда в годы Великой Отечественной войны: «коммуникация убеждения» и мобилизационные механизмы / Авт.-сост. А.Я. Лившин, И.Б. Орлов. – М.: РОССПЭН, 2007. – С. 232–243.

ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-9548. Оп. 1. Д. 1.

Литература

1. *Андреев А.В.* Всесоюзное общество по распространению политических и научных знаний // Ин-т истории, естествознания и техники РАН: Год. науч. конф. – М.: Ди-поль-Т, 2003. – С. 292–294.
2. *Григорян Г.* Всесоюзное общество «Знание» как коммуникатор для власти и научного сообщества СССР. – URL: <http://novznania.ru/?p=3376>, свободный.
3. *Мезенцев В.А.* Знания – народу: К 25-летию Всесоюзного общества «Знание». – М.: Знание, 1972. – 64 с.
4. Опережая время: 55 лет Саха (Якутской) республиканской организации общества «Знание» России: Сб. ст. – Якутск: Изд-во СО РАН, 2004. – 183 с.

5. *Филимонов М.А.* Обществу «Знание» Республики Башкортостан – 55 лет: Ист. хроника. – Уфа: Мир печати, 2004. – 151 с.
6. *Чиненный А.И.* Из истории Всесоюзного общества «Знание». – М.: Знание, 1988. – 62 с.
7. *Случевский В.В.* Общество «Знание» Санкт-Петербурга и Ленинградской области: история, формы и методы просветительской деятельности: 1947–2002 гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – СПб., 2003. – 23 с.
8. *Фролов К.В.* Обновление общества «Знание» веление времени. – М.: Знание, 1991. – 39 с.
9. *Задорожный А.Л.* Общество «Знание» России в 80–90-е гг. XX столетия (на материале Самарской областной организации): Ист. очерк. – Самара: Самар. ун-т, 2001. – 35 с.
10. *Иванюк Л.М.* Деятельность партийных организаций по повышению роли общества «Знание» в коммунистическом воспитании трудящихся (1959–1965 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Горький, 1976. – 21 с.
11. *Добровольский В.В.* Становление и развитие издательской деятельности Всесоюзного общества «Знание»: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1986. – 16 с.
12. *Криворотов А.Ф.* Общество «Знание» РФ в реализации экономической политики советского государства: 1950–1991 годы: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Оренбург, 2004. – 23 с.
13. *Задорожный А.Л.* Просветительская деятельность Общества «Знание» России (на материале Самарской областной организации): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Самара, 2001. – 20 с.
14. *Ассман А.* Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика / Пер. с нем. Б. Хлебникова. – М.: Нов. лит. обозрение, 2014. – 324 с.
15. Предисловие // Советская пропаганда в годы Великой Отечественной войны: «коммуникация убеждения» и мобилизационные механизмы / Авт.-сост. А.Я. Лившин, И.Б. Орлов. – М.: РОССПЭН, 2007. – С. 5–24.
16. *Козлов Н.Д.* Общественное сознание в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). – СПб.: Изд-во Ленингр. обл. ин-та усовершенствования учителей, 1995. – 141 с.
17. *Сенявская Е.С.* Героические символы: реальность и мифология войны // Отеч. история. – 1995. – № 5. – С. 30–44.
18. *Байрау Д.* Механизмы самомобилизации и пропаганда в годы второй мировой войны // Советская пропаганда в годы Великой Отечественной войны: «коммуникация убеждения» и мобилизационные механизмы / Авт.-сост. А.Я. Лившин, И.Б. Орлов. – М.: РОССПЭН, 2007. – С. 25–38.
19. *Тихонов В.В.* Сражаящаяся наука: роль исторической науки в антифашистской пропаганде в годы Великой Отечественной войны // Вестн. Рос. гуманит. науч. фонда. – 2015. – № 2. – С. 28–40.
20. *Шумкина Т.Г.* «Лекции тоже воюют»: военно-патриотическая деятельность историков в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Историко-педагогические чтения. – 2015. – № 19, ч. 2. – С. 196–200.

Поступила в редакцию
30.11.15

Корзун Валентина Павловна, доктор исторических наук, профессор кафедры современной отечественной истории и историографии

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского
пр-т Мира, д. 55А, г. Омск, 644077, Россия
E-mail: korzunv@mail.ru

Мамонтова Марина Александровна, кандидат исторических наук, доцент кафедры современной отечественной истории и историографии

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского
пр-т Мира, д. 55А, г. Омск, 644077, Россия
E-mail: marina_mamontova@rambler.ru

ISSN 1815-6126 (Print)
ISSN 2500-2171 (Online)

UCHENYE ZAPISKI KAZANSKOGO UNIVERSITETA. SERIYA GUMANITARNYE NAUKI
(Proceedings of Kazan University. Humanities Series)

2016, vol. 158, no. 3, pp. 743–753

“The Lecture Bureau Must Have So-Called Feelers on Sites”: The History of Creation of the Lecture Bureau of the Committee on Higher School Affairs

V.P. Korzun^{}, M.A. Mamontova^{**}*

Dostoevsky Omsk State University, Omsk, 644077 Russia

E-mail: ^{*}korzunv@mail.ru, ^{**}marina_mamontova@rambler.ru

Received November 30, 2015

Abstract

The paper considers the process of formation of the Lecture Bureau as an element of the Soviet propaganda system in 1940. The purpose of the scientific research is to show the extent of interaction between science and power, as well as scientific and party functionaries in the propaganda network of the 1940s, during the difficult period of the Soviet history. The emphasis is made on the interrelation between the values of scientific community and the political order of power. Considering the history of creation of the Lecture Bureau, it is shown how the political power imposed certain requirements on scientific community and how scientists tried to bring their scientific ideals to life using the tough political order. The paper is based on the category of “cultural memory” introduced by A. Assman. The principles of modern cultural intellectual history allow to rethink the processes of interaction between collective memory and historical thought of the middle of the 20th century. The analysis of the proceedings of meetings and the verbatim records of this organization showed that the authorities tried to involve the activity of professional researchers, scientists, and lecturers in propaganda. Attention is drawn to the reaction of professional corporation: on the one hand, scientists wanted to contribute to the Victory in the Great Patriotic War, as well as to realize their lecturing talent and commitment to dissemination of scientific knowledge; on the other hand, they had some skepticism and doubts about the instrumentalization of this action. Conclusions are made about the mechanisms of propaganda campaigns and the features of historical memory.

Keywords: propaganda and propaganda network, dissemination of knowledge, lecturing activity, corporation of scientists, public organizations

Acknowledgments. This study was supported by the Ministry of Education and Science of the Russian Federation (project no. 2467).

Для цитирования: Корзун В.П., Мамонтова М.А. «На местах у Лекционного бюро должны быть так называемые щупальцы»: история создания Лекционного бюро при Комитете по делам высшей школы // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2016. – Т. 158, кн. 3. – С. 743–753.

For citation: Korzun V.P., Mamontova M.A. “The Lecture Bureau must have so-called feelers on sites”: The history of creation of the Lecture Bureau of the Committee on Higher School Affairs. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2016, vol. 158, no. 3, pp. 743–753. (In Russian)